

СТАСЯ АНДРИЕВСКАЯ

Измена
В ПОДАРОК

18+

Стася Андриевская

Измена в подарок

«Автор»

2018

Стася Андриевская

Измена в подарок / Стася Андриевская — «Автор», 2018

«Хороший "левак" укрепляет брак», — решил Петька и подарил Димке возможность от души нагуляться перед свадьбой. Кстати, Петька — это брат. Хотя, как сказать брат, скорее... А вообще — уже не важно, ведь в поисках развлечений они пришли под Грушу...

© Стася Андриевская, 2018

© Автор, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Стася Андриевская

Измена в подарок

Глава 1

– Ну чё ты такая неласковая? Я ж по-хорошему...

Петька бесцеремонно притянул меня к себе и скользнул губами по плечу. Вернее попытался скользнуть, но, получив решительный отпор, слегка озадачился. Правда, хватило ненадолго. Пара мгновений, и его быдловатая наглость плеснула с удвоенной силой. Он снова обхватил меня за талию и рванул к себе, противно нащёптывая куда-то в шею:

– Светуль... Светик... Светб-о-очек...

От него воняло куревом и дорогим парфюмом, по разгоряченным душной ночью и пивом вискам медленно ползли капли пота. Я пихнула его локтем и в который раз за последние два часа сдвинулась в сторону. Машка покорно потеснилась, одарив при этом Петьку таким взглядом, что будь он хоть чуточку адекватнее – сквозь землю провалился бы. Но Петьке было пофиг. Поправив прядь за моим ухом, он выждал пару минут и... снова придвинулся. Машка раздражённо цокнула:

– Свет, я уже на одной половинке сижу. Всё, мне некуда больше отползать! Может, пошли по домам?

Я замешкалась на мгновенье и едва заметно мотнула головой:

– Не, давай ещё посидим.

Машка фыркнула и обречённо упёрлась лбом в ладонь. Ещё немного – и психанёт! Пожалуй, можно бы и встать – пойти прогуляться или, например, пересечь на бревно, чуть поодаль, туда, где брнчал на гитаре Стас из четырнадцатого квартала... Но как я могла уйти, если через стол напротив сидел ОН?

Новенькие красивые шестнадцатиэтажки выросли на этом участке всего каких-то восемь лет назад. Их строили сразу комплексом из двенадцати домов – четыре просторных квадратных двора, аккуратно связанные между собой тротуарами. А до этого здесь был частный сектор. Удивительное дело: справа через дорогу – высотки, которым уже, наверное, лет по сорок, слева детский сад, а за ним такие же бетонные уродцы. Да и вообще, куда ни глянь – цивилизация... И вдруг – частный сектор! Это место все жители нашего района называли не иначе как «Простоквашино»

Здесь орал по утрам петухи, гоготали гуси, бродили флегматичные козы... По весне здесь буйно цвели, заставляя прохожих вздыхать от необъяснимого счастья, абрикосы, вишни и сирень. Отсюда летними вечерами томно тянуло баннным дымком и навозом. Настоящий сельский заповедник в городской черте! Неудивительно, что молодёжь из бетонных кварталов предпочитала гулять ночами именно по тёмным улочкам странной деревушки, обжиматься под калиновыми кустами и подстилать на брёвна для сиделок мягкие лопуховые листья.

Однако город взял своё. Простоквашино сровняли с землёй, расковыряли котлованами, занозили сваями, устелили дорогами и тротуарами. Очень быстро, в какие-то два года, частный сектор превратился в молодые, сияющие свежей облицовкой каменные джунгли. И, казалось бы, конец романтике... Но в одном из новоявленных дворов, как чудо, как протест, как воля к жизни и памятник былому – сохранилась старая раскидистая груша! И будто паломники на Святую землю, к этой груше потянулась молодёжь, привыкшая гулять по Простоквашино.

За восемь лет сменилось не одно поколение. Те, кто первыми открыли это место – уже гуляли под грушей со своими детьми. Те, кто гуляли здесь, будучи детьми, – приходили теперь по ночам, чтобы бросать друг на друга осторожные взгляды и вздыхать от любовных мук.

Груша по-прежнему оставалась местом притяжения. Сюда шли за последними новостями, здесь назначали свидания, играли в картишки, бренчали на гитарах, отмечали маленькие и большие праздники. Жители окрестных домов давно уже не вызывали по ночам милицию, а у тусовщиков царило негласное правило – если жильцы просят потише, значит, надо потише.

Но, несмотря на то, что жила я в соседнем дворе, ночные гуляния под грушей долго оставалась для меня недостижимой мечтой, потому что родители считали, что главное – это школа. Так что всё, что я могла – это найти предлог пройтись в сумерках мимо заветного места, прислушиваясь к доносящимся оттуда смеху, игривым повизгиваниям девчат и музыке.

Но в этом году я наконец-то закончила одиннадцатый класс, и папа сдался.

Машка, моя соседка по подъезду, тусила здесь уже третий год, всех знала и часто, сидя рядом со мной, комментировала кто из ребят с какого квартала, кто с кем гуляет сейчас и с кем гулял до этого.

Но и она озадачилась, когда сюда впервые пришёл Димка.

– Э, не жульничать! – Димка прикрыл карточный веер свободной ладонью и со смехом отклонился назад, уворачиваясь от назойливого взгляда Анжелки. – Так, дон Пέдро, помейся-ка местами с этой красоткой, она, кажется, теряет контроль. Скоро на голову мне залезет, а я же не железный, в конце-то концов!

Под общий хохот Анжелка игриво обняла Димку и, будто пытаясь заглянуть в его карты, прижалась щекой к оголённому плечу, схватила за руки. Руки, к слову сказать, у него были рабочие – крепкие, слегка ободранные на костяшках пальцы, широкие, перебитые напряжёнными жилами кисти. Местами темнели намертво въевшиеся в кожу тёмные пятна мазута, а может масла или ещё чего-то такого, с чем имеют дело только настоящие мужчины. Автосервис, что может быть мужественнее? – казалось мне тогда и, честно сказать, я и сама готова была строить из себя дурочку, лишь бы вот так же трогать Димкины руки и прижиматься к его голому торсу.

Да, кстати, играли на раздевание. Это было очень смешно – Димка так уморительно комментировал каждый вынутый из своих кроссовок шнурок, с таким наигранным трагизмом возмущался, когда кто-то из девчат снимал вместо майки цепочку или серёжки! До крайностей не доходили, конечно, всё-таки компания у нас была приличная. Обычно тот, кто не хотел больше ничего снимать, сдавался и получал десять щелбанов от победителя. И всё же сама суть игры раззадоривала, побуждала к флирту и заставляла завистливо улыбаться каждый раз, когда кто-то проигрывал.

Я не играла – стеснялась, но страстно хотела бы оказаться на месте Анжелки или Наташки, или Ленки... Да кого угодно! Девчата вились вокруг Димки, как осы над арбузом, и наверняка вздыхали потом до утра, вспоминая его открытый смех и пытливый серый взгляд из-под лукаво приподнятой брови. И я не была исключением.

– Ага! – торжествующе взвизгнула Анжелка и покрыла Димкиного туза козырным вальетом. – Сдавайтесь, сударь! И немедленно пожалуйста сюда свой лоб!

Она оттянула два длинных пальчика, готовясь надавать Димке щелбанов, но тот патетично вознёс руку и, придав голосу гнусавой хрипотцы, воскликнул:

– Тысяча чертей, сударыня! Но у меня ведь ещё есть штаны!

Под общий хохот и улюлюканье он выбрался из-за стола и, изобразив для начала стриптизёра – этакое утрированно корявого и неумелого, хотя фигурой мог бы дать фору любому красавчику – стянул джинсы, оставшись в чёрных трусах-боксерсах.

– Дон Педро, проследи-ка!

Петька сграбастал из его рук аккуратно свёрнутые джинсы и положил на стол перед собой, поверх давно уже снятых кроссовок и футболки.

Они появились «под Грушей» в середине июня. Многие тусовщики-парни сразу признали Димкин чёрный «BMW» и были несказанно удивлены его визиту.

– Надо развеяться, а у вас тут девок вон сколько! – с нагловатой ухмылкой пошутил «дон Педро», двоюродный брат Димки, и, окинув компанию придирчивым взглядом, почему-то решил взяться именно за меня.

Он не давал мне проходу. Придумывал ласкательные прозвища, зажимал, пытаясь потискать, громогласно ржал над собственными шутками и безапелляционно заявлял, что как только мне стукнет восемнадцать – сразу же украдёт меня в свой гарем. Братья влились в компанию так быстро и просто, словно были здесь всегда. Поначалу парни из тусовки почему-то заговаривали с Димкой исключительно на автомобильные темы, но он всегда переводил их вопросы в шутку, направлял беседу в другое русло, и, в конце концов, к середине июля уже стал «своим в доску»

Мажористому, неизменно одетому в фирменное новьё Петьке было лет двадцать – двадцать два. Какая у него фамилия, чем он занимается, где учится или работает – никто не знал, да и не интересовался этим.

Дмитрию Мазикову минувшей зимой стукнуло двадцать три, он с четырнадцати лет работал у отца в автосервисе, потом служил в авторемонтной роте, а вернувшись из армии, примерно через год, открыл своё дело и успел уже заработать славу мастера – золотые руки. У него есть немецкая овчарка и обязательный утренний ритуал – пробежка и упражнения на турнике, а живёт он в съёмной квартире где-то на улице Пролетарской... Обо всём этом мне рассказывала Машка – и откуда только она умудрялась доставать информацию? Впрочем, скоро стало понятно, что не только Машка интересуется биографией Димки – многие девчонки из тусовки были не прочь посплетничать о нём.

И вот однажды «разведка» донесла, что у вожделенного красавчика, оказывается, есть девушка, что она из богатой семьи, и, на самом-то деле, открытие автосервиса спонсировал Димке её папа. Говорили, что уже идёт речь о свадьбе, и она состоялась бы этим летом, если бы невеста не уехала на пару месяцев в Англию, подтягивать разговорный инглиш.

И сразу всё сразу встало на свои места! Девушка уехала, парень заскучал. Чего уж тут непонятного? Развлекается, как может и, между прочим, в отличие от своего самовлюблённого братца, держится вполне достойно – общается со всеми одинаково, не уделяя кому-то особого внимания. Одинаково одаривает девчат комплиментами, одинаково игриво отвечает на их лёгкий флирт, одинаково спокойно отвергает назойливые попытки стать ближе...

– Играем дальше? – возбуждённо воскликнула Анжелка и сгребла со стола карты.

– Ну, как бы... – Димка развёл руками, демонстрируя всего себя. – Если я сниму ещё и трусы, то, боюсь, простыну, заболею и умру. А у меня есть ещё планы на эту жизнь, а у жизни – на меня, так что...

Чёрные боксеры подчёркивали его загорелое, стройное тело – рельефные, но не перекачанные мышцы груди и живота, широкие, сильные плечи и красивые, крепкие ноги – так сексуально, что девчонки разом затихли и лишь слегка перехрюкивались глупыми смешками. Вот Анжелка, счастливица... Он ведь сейчас снова сядет рядом с ней!

– Да не бойся, не обижу! – мурлыкнула та и потянула его за руку. – Давай так – если ты проиграешь, то просто исполняешь моё желание, а если я, то...

– Ага! – Димка вернулся на место, и, случайно поймав мой взгляд, неожиданно подмигнул. – Знаю я твои желания. Но мне нельзя, у меня во, видишь? – он пошевелил безымянным

пальцем правой руки, на котором тускло отсвечивало кольцо, – всё на мази, не могу я на тебе жениться!

– Дурак! – деланно обиделась Анжелка и шлёпнула его по плечу. – Больно надо, пфф! – Но тут же прильнула к нему, запустила пальцы в волосы на затылке. – Ну дава-а-ай! Я, правда, ничего такого загадывать не буду!

– Такого – это какого?

– Такого!

Она откровенно заигрывала, вешалась, и Димка подался вперёд, выскальзывая из её назойливых рук:

– Дон Педро, верни-ка мне штаны, пока ещё есть шанс уйти невинным...

– Если я проиграю, то сниму майку! – выкрикнула Анжелка, и все замолчали, обратив взгляды на её топик надетый на голое тело, а вернее – на высокую грудь размера эдак третьего. – Честно! А ты просто желание моё исполнишь, ерундовое, клянусь!

– Эмм... Заманчиво, конечно, но... Надо подумать!

Окружающие не выдержали:

«Да что тут думать, Димон!»; «Энжи, а можно я за Димку сыграю? Я даже штаны сниму!»; «Кончай томить, соглашайся, Димон!»... – кричали парни.

«Всё хватит, ребят, ну уже дёрка пошла!»; «Анжел, перестань!»... – кричали девчата.

Я наклонилась к Машке:

– Пойдём, наврное. Что-то мне надоело всё это.

– Не, ты что! Самое интересное начинается! – горячо прошептала та в ответ и, поёрзав на месте, сложила руки рупором: – Анжелка, давай! Покажи ему! Йу-ху!

– Итак, время на раздумье истекло! – крикнул кто-то из компании. – И ваш отве-е-ет...

– Стриптиза больше не будет! – твёрдо ответил Димка и протянул руки к Петьке: – Давай, дон Педро, спасай.

– Не-а, – мотнул тот головой и сгрёб одежду в охапку. – Ты весь коллектив обламываешь, братан. Да давай, чего уж там, сыграй! Ну! Я папке не скажу!

С одной стороны мне отчаянно захотелось дать ему подзатыльник, с другой – занятый сохранностью одежды, он наконец-то оставил в покое мою талию, так что...

Димка пожал плечами:

– Господи, ты видел, я сделал всё что мог! – и, глянув на небо, словно там из-за облака действительно выглядывал Бог, подытожил: – Она сама! Я ни при чём.

Я страстно желала, чтобы Димка проиграл. Чтобы Анжелка загадала ему какое-нибудь тупое желание, типа сгонять за пивом, или проорать петухом. Чтобы этот идиот Петя вернул ему, наконец, шмотки, и Димке хватило ума не связываться больше с Энжи. А ещё желательно, чтобы он сел в другое место. В идеале, рядом со мной, конечно, но об этом я даже мечтать боялась.

Димка играл сухо, раздражённо. Ни единой шуточки, ни единого смешного жеста. Было видно, что всё это ему не нравится, и я понимала, что доиграв, он, скорее всего, сразу уедет. Анжелка наоборот, играла медленно и каждый раз, прежде чем сделать ход, строила загадочную мину.

В принципе, можно было идти домой. Смотреть, как Анжелка показывает Димке сиськи я не хотела, а о желании, которое она загадает в случае победы, завтра и так будет перетирать вся тусовка. Я наклонилась к Машке:

– Ты идёшь?

Она только отмахнулась:

– Да погоди!

– Тогда пусти...

– Ты куда, солнце моё?

Наглая ручища снова вцепилась в мою талию и на этот раз, в ней чувствовалось нетерпеливое напряжение, словно происходящее не на шутку возбудило Петьку. Если Анжелка ещё и майку снимет, у него может совсем замкнуть, и шутливые приставания превратятся в настоящие домогательства. При мысли об этом мне стало так противно, что я не выдержала:

– Да отстань ты от меня! Задолбал! Не трогай и даже рядом со мной не ходи, и вообще...
– Что «вообще» я ещё не придумала, поэтому просто вскочила, оказавшись в нелепой позе – колени поджигает лавка, а в живот упирается стол, и пихнула Машку: – Пусти!

– Нормально... Чего я тебе такого сделал? – Петька швырнул Димкины шмотки на стол и, зажав меня в объятиях, усадил на место: – Даю шанс на перевоспитание, так что сиди смирно! А будешь и дальше грубить – брошу тебя и женюсь, вон, на Анжелке. Энжи, пойдёшь за меня?

– Пфф... Сначала посмотреть надо, каков ты в трусах, а то, может, нет смысла уходить от Димки! Раздевайся, проверим...

Наверное, это было смешно, потому что все заржали. Я же по-прежнему брыкалась в Петькиных ручищах, от чего наша лавка угрожающе качалась.

– Да отстань ты! Пусти, дурак!..

– Пусти её! – крикнул Димка. – Убери от неё руки, я сказал!

Все как-то дружно замолчали, и только Петька заносчиво рассмеялся:

– Да с чего бы это? У тебя своя развлекуха, у меня своя... братишка!

Димка вскочил, метнулся вокруг стола, схватил Петьку за плечо.

– Хреновая у тебя развлекуха уже пошла, братан. Давай, давай... отпусти её, видишь, перепугал девчонку. Не все же такие, как ты привык.

– Как я привык? – Петька резко дёрнул плечом, сбрасывая руку. – А это к каким же? К таким, которых мы на той неделе на дачу вызывали? – Он развернулся к Димке вполоборота и заговорщически дёрнул бровями: – А если Эльвирка узнает?

– Чего-о-о? – В Димкином голосе сквознула вдруг злость, он даже вытянул вперёд шею и чуть раскрыл руки, принимая драчливую позу. – Это ты на меня повесить хочешь? Ты охренел?

– Я охренел? – Петька двинул меня в сторону и, немного покорячившись, выбрался-таки из-за стола. – Я?! А не ты, братишка, не?

– Отойдём?

– Отойдём!

Удалившись шагов на пять, они стояли друг напротив друга, мерились взглядами и уже сжимали кулаки.

– Э, пацаны, ну хорош!.. – крикнул кто-то, но это не подействовало.

– А ты не много на себя берёшь? – прорычал Димка и сделал полшага навстречу брату. – Ты что думаешь, я перед тобой на цырлах бегать буду?

Тот немедленно двинулся навстречу.

– Думаю, ещё как будешь! Ты же не хочешь папаню беспокоить?

– Ой, да хватит вам, нашли из-за чего цапаться! – раздражённо воскликнула Анжелка. – Дим, ну он же в шутку, просто Светка мелкая ещё, не понимает своего счастья. Иди сюда, не хватало только мордобой из-за неё устроить! К тому же – ты проиграл!

– А чего это он проиграл? – Возмущённо загудели пацаны. – Вы не закончили ещё!

– Он карты бросил, вот, смотрите! Я уже всё в них увидела, нет смысла доигрывать.

– Тогда ничья! Ты снимаешь майку, а он исполняет твоё желание!

– Ага, щаз...

– Давай, давай, Энжи! Карточный долг – святое дело!

Внимание компании переключилось на Анжелку, я же, усевшись в пол оборота, как замороженная смотрела на Димку. От напряжения мышцы его очертились резкими тенями и казались отлитыми из бронзы, а кулаки... Боже, так бы и прильнуть к ним щекой! Вот только – кого

они, там, на дачу вызывали? Проституток? От ревности у меня аж в носу засвербело. Было обидно, так, словно Димка изменял мне, а не своей невесте... Невыносимо захотелось сбежать.

Петька вдруг заржал и протянул Димке руку:

– Да хорош, братан, ну понял я – сильно не приставать. Но это ж всё в шутку, ну ей же самой нравится, так, для виду только пищит. Не нравилось бы – давно бы ушла, я ж её к ноге не привязывал. Но она же здесь сидит! Значит, ей нравится?

Димка окинул меня задумчивым взглядом и словно нехотя ответил на Петькино рукопожатие.

– Интересные у вас нежности, ничего не скажешь.

Хлопнув друг друга по плечам, он разошлись по своим сторонам стола.

– Милые бранятся – только тешатся! – заявил Петька и, закорячившись наконец на своё место, снова сгрёб меня в охапку. – Правда же, Светик?

– Да пошёл ты! – зло зашипела я и, вырываясь, попыталась вскочить, но Петька, не пуская, тоже резко дёрнулся и потянул меня на себя.

Самодельная шаткая лавка качнулась, и все пять человек, сидящих на ней, с громким единым охом, а потом и хохотом сильно накренились назад. Лавка пару мгновений повисела под критичным углом – видно кто-то успел ухватиться за стол, но не выдержал общей массы падающих – и рухнула назад.

Смех, визги, причитания... Петька, прижимающий меня к песку: «Свету-у-уль», его губы на моей шее... А я не могу даже отпихнуть его. Я задыхаюсь от боли, мне кажется, что голень, которой я со всей дури стукнулась об стол, переломана, из неё торчат кости и хлещет кровь... А Петька всё наглеет, и ребята уже начинают замечать это:

– О-о-о... похоже мы тут лишние!..

– А говорила – те трогай! Все вы бабы такие!..

– Дим, ты должен исполнить моё желание!.. – капризно причитает Анжелка.

– Какое желание, Энжи? Не-е-е, не пойдёт, майку снимай, давай! – орёт кто-то из пацанов....

– А-а-а, нога!.. – наконец увернувшись от Петьки, застонала я и подтянула её к груди. Кости не торчали, конечно, да и кровяки не хлестала – так, сочилась из ссадины, но было очень больно и ещё больше обидно, что Димка наверняка видел, как этот козлина целовал меня. Ну что за придурок, а? За что мне это наказание?

– До свадьбы заживет, – громогласно захохотал Петька.

– Умм... – только и могла простонать я в ответ, активно оглаживая ногу по краям раны.

– Ну, давай, давай, подую... – снова вцепился в меня придурок.

– Да подожди ты со своими шуточками, не видишь, ей больно!

Чьи-то уверенные, сильные руки подхватили меня подмышки и осторожно помогли встать.

– Наступить можешь? Попробуй!

Димка! Его глаза полные озабоченного внимания были так близко, что мне показалось – даже боль утихла.

– Нормально... вроде.

– Точно? Может, тебе в травму надо?

Он прижимал меня к себе, так осторожно и при этом так крепко, что я чувствовала перекаты его мышц, запах его кожи – горячий, слегка отдающий потом и какими-то машинно-масляными нотками, и вместе с этим – что-то неуловимо древесное, чуть дымное...

Стоп-стоп! Потом? Разве это может быть приятно?

Да! Чёрт возьми, да! Прильнуть бы к нему, прорасти каждой клеточкой, каждым нервом, так, чтобы навсегда... Какая нога? Какая боль? Лишь бы он продолжал сжимать меня в объятиях...

– Не надо в травму, просто помоги мне до дома дойти.

– А ты сможешь? Может, тебя на машине отвезти?

– Да нет, я в соседнем дворе живу, вон за тем домом.

– Тогда, давай донесу! – и, не дожидаясь ответа, он подхватил меня на руки.

– Э, братан, – засмеялся Петька, – чё за нафиг? Я сам её отнести могу! – Но, слава богу, не полез.

– Ди-и-им, я не поняла... Что больше некому? Ребят, ну помогите кто-нибудь, мы вообще-то не доиграли, я ещё желание на загадала... Петь, он вообще-то твою девчёнку поволок, ничё так, да?

Но Димка уже уносил меня, словно охотник добычу, а я обнимала его за шею и смущённо прятала лицо на сильной обнажённой груди, забывая дышать от волнения.

– Может, всё-таки к врачу?

– Да нет, я, наверное, и идти-то сама смогу, зачем ты...

– Ничего-ничего, целее будешь... – Он помолчал. – Только Петька, наверное, обидится на тебя теперь?

– Причём тут он? Он мне кто, муж что ли? – возмутилась я. – Если честно, меня от него тошнит уже, я не знаю, почему он ко мне пристаёт! Дим... – Любимое имя, выдохнутое в чуть влажное, безумно пахнущее силой плечо, прокатилось по языку так тепло, так интимно, что стало страшно – вдруг он почувствует, как бешено бьётся моё сердце? – Ты можешь поговорить с ним? Меня, правда, напрягают его ухаживания. Да, блин, какие ухаживания... Домогательства!

– Не понял, то есть тебе это не нравится на самом деле?

– Ты смеёшься? Да он меня бесит! Я даже подумываю вообще перестать гулять под грушей, лишь бы с ним не сталкиваться!

Димка с удивлением заглянул мне в лицо, и так получилось, что в это же время я посмотрела на него. Близко-близко. Глаза в глаза. И будто искра какая-то, импульс... Он замедлил шаг, сжал меня крепче и ещё ниже склонил голову, так что даже дыхания наши смешались... И вдруг споткнулся! Едва устояв на ногах, но всё же удержав меня, оглянулся, потёр босую стопу об голень другой ноги:

– Нормальный такой кирпичик! Хорошо не стекло.

Мы оба рассмеялись, но как-то натянуто, что ли...

– Ты бы хоть обулся сначала... И одеться бы не мешало, представляю как мы сейчас выйдем.

– Да кто видит-то? Спят уже все.

– Мало ли... – и я вдруг подумала об отце, который иногда выходил ночью курить на балкон. – Давай я сама пойду, не хватало ещё и в самом деле сломать что-нибудь. Да я смогу, правда!

– За шею меня тогда обхвати...

Я его за шею, он меня за талию – так заботливо и даже чрезмерно крепко, что идти стало неудобно... но, блин, так классно, что какой, нафиг папа? Какой балкон?!

– Све-е-ет! Подождите!

Мы обернулись – за нами бежала Машка. Догнав, она наклонилась, уперлась руками в колени:

– Фу-у-ух... Вы оглохли, что ли, оба? Орала, вам, орала... Фу-у-х... Заговорщики, блин, устроили тут обнимашки... Я тоже домой, пошли вместе!

Мы с Димкой одновременно шарахнулись друг от друга, и оказалось, что я прекрасно стою на обеих ногах и даже ссадина уже не кровит. Но после секундной паузы он снова подставил мне локоть:

– Давай всё-таки доведу, раз уж вызвался.

– Не надо, я с Машкой дойду, тут уже близко, вон, второй подъезд. – Ухватив её под руку, я сделала пару шагов и вдруг очнулась: – Спасибо, Дим!

Он растерянно махнул рукой – такой нелепый в своих труселях, но такой красивый! – и я поняла, что дура. Случая побыть с ним наедине, да ещё и в такой интимной близости, точно никогда больше не представится.

Глава 2

Как я и предполагала, на следующий день вся тусовка знала, чем же закончилась вчерашняя игра: Анжелка не отличилась особой фантазией и зарядила в качестве приза поцелуй. Дальше мнения расходились – одни говорили, что она потребовала французский, другие – что просто в засос. Третьи же возмущались подобной брехне и утверждали, что речь шла об обычном дружеском поцелуе в щёку. Но это всё не имеет значения, так как Димка целоваться каким бы-то ни было способом отказался, а в качестве альтернативы предложил вывезти всю «грушевую» тусовку на речку. Поговаривали, что Анжелка осталась недовольна, но быстро прогнута под ликование остальных – ещё бы, ведь выезд Димка обещал организовать за свой счёт!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.